

Едва ли существует страх более цепкий и столь трудно поддающийся описанию, чем тот, который преследует шпиона в чужой стране.

*Джон Ле Карре. Война в Зазеркалье
(Перевод М. Гребнева, В. Стабникова)*

По нашим мерзким улицам должен пройти человек, который выше этой мерзости, который не запятнан и не запуган.

*Рэймонд Чандлер. Простое искусство убивать
(Перевод С. Белова)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Есть места, которые остались в моей памяти на всю жизнь: Красная площадь, продуваемая горячими ветрами¹, спальня матери в нашем доме, расположенном в одном из беднейших кварталов Детройта; бесконечные сады, окружающие причудливое здание сиротского приюта; руины, известные под именем «Театра смерти», среди которых меня поджидает человек, чтобы убить. Но ничто не въелось в мою память так глубоко, как тот номер в одной из дешевых нью-йоркских гостиниц: потертые занавески, простенькая мебель, стол, заваленный метамфетамином и прочими наркотиками, которые именуются тусовочными и почему-то считаются в народе не слишком опасными. Рядом с кроватью валяются дамская сумочка, черные трусики, едва превосходящие размером зубочистку, и пара крошечных туфель от Джимми Чу. Владелица перечисленных вещей не жила в этой комнате, она пришла сюда в гости. Здесь бедняжке перерезали горло, и сейчас ее обнаженное тело плавает лицом вниз в ванне, заполненной средством для чистки канализационных труб, в состав которого входит серная кислота. Это средство — оно называется «Бомба против засоров» — можно купить в любом супермаркете.

На полу вокруг разбросано множество пустых бутылок из-под него, и, пока меня никто не видит, я разглядываю их. Ценники остались на месте, и я вижу, что убийца обошел чуть ли не два десятка магазинов и везде покупал этого средства понемногу, чтобы не бросаться в глаза. Умение тщательно планировать детали всегда меня восхищало.

Сейчас на месте преступления царит сущий хаос: из раций полицейских доносится оглушительный шум, громко переговариваются помощники коронера, вздохнув рыдает какая-то испанка. Даже

---

¹ Авторский прием Терри Хейза состоит в том, что некоторые реалии, в том числе и российские, отличаются от тех, которые существуют на самом деле.

если жертва одинока как перст, обязательно найдется кто-нибудь, чтобы устроить истерику.

Молодую женщину, плавающую в ванне, опознать невозможно: после того как она три дня пролежала в серной кислоте, черты ее лица окончательно стерлись. Следуя своему дьявольскому плану, убийца придавил руки жертвы ко дну телефонными книгами, так что кислота не только уничтожила дактилоскопический рисунок на ее пальцах, но и почти полностью разъела кисти. Если экспертам из Департамента полиции Нью-Йорка не удастся идентифицировать погибшую по зубам, потребуется чертовски много времени, чтобы установить ее личность.

В таких местах возникает ощущение, что зло буквально растворено в воздухе, и мысли порой обретают весьма причудливое направление. Образ женщины без лица вызвал у меня в памяти давнюю фантазию Джона Леннона и Пола Маккартни: помните их песню об Элинор Ригби, которая хранила свое лицо в кувшине, стоявшем возле двери?

Мысленно я все чаще и чаще называю погибшую девушку Элинор. Работа бригады криминалистов еще не завершена, но все без исключения склоняются к мнению, что несчастная была убита во время полового акта: матрас наполовину сдвинут с кровати, простыни скомканы, на столике рядом с постелью — засохшие брызги крови. Один из копов, отличающийся особенно болезненным воображением, выдвинул предположение, что убийца перерезал глотку своей жертве, находясь внутри ее. Звучит ужасно, но вполне возможно, что именно так и было.

Утешением — хотя, конечно, что и говорить, весьма слабым — может послужить тот факт, что девушка умерла, до последнего мгновения своей жизни так и не осознав кошмара происходящего. Причина заключается в метамфетамине — белом кристаллическом веществе. Этот наркотик вызывает такое сексуальное возбуждение, что человек утрачивает всякое чувство опасности и впадает в состояние эйфории, у него буквально сносит крышу. Единственная внятная мысль, которая овладевает тем, кто пребывает под воздействием зелья, — как бы поскорее найти себе партнера и затащить его в постель.

Рядом с двумя пустыми упаковками метамфетамина валяется флакончик, похожий на бутылочку из-под шампуня, который в отелях обычно кладут в ванной. На нем нет никаких надписей, но прозрачная жидкость внутри, по-видимому, ГГБ — гаммагидроксibu-

тират. Его сейчас легко можно разыскать в темных закоулках Интернета, сей препарат все чаще заменяет рогипнол, когда нужно усилить половое влечение перед свиданием.

Это снадобье легко раздобыть на концертах поп-музыкантов, за всегдатаи ночных клубов используют ГГБ, чтобы ослабить паранойю, вызываемую метамфетамином. ГГБ имеет также побочные эффекты: он усиливает сексуальные ощущения, создает чувство вседозволенности. Одно из его уличных названий — «легкий трах». Элинор, скинувшая свои фирменные туфельки и освободившаяся от крошечной черной юбки, по-видимому, была подобна ракете, запускаемой на День независимости.

Протиснувшись между собравшимися — почти никому не знакомый, в небрежно наброшенном на плечи элегантном пиджаке и с тяжелым грузом прошлого в душе, — я останавливаюсь рядом с кроватью. Отвлекаюсь от шума и, как наяву, вижу ее: этакую обнаженную девушку-ковбоя, оседлавшую сверху своего партнера. Лет двадцати или чуть больше, красивая и стройная. Коктейль из наркотиков стремительно приближает девушку к сокрушительному оргазму: температура тела повышается благодаря метамфетамину, разбухшие груди давят на партнера, сердце бешено колотится под действием страсти и химических препаратов, дыхание становится прерывистым. Влажный язык словно обретает самостоятельную жизнь и судорожно ищет внизу рот любовника. Да уж, секс нынче не для неженков.

Я представил себе, как неоновые вывески многочисленных баров за окном отбрасывали блики света на постриженную по последней моде блондинку, заставляя переливаться у нее на руке «Панерай», часы для дайверов. Подделка, конечно, но вещь хорошая.

Мне, как и всем нам, знаком этот тип женщин. Их можно встретить в огромном магазине «Прада» в Милане, в ночных клубах Сохо, на авеню Монтень в Париже или потягивающими латте на террасе какого-нибудь модного кафе. Они черпают новости из глянцевого журналов и делают на спине татуировки в виде японских иероглифов, чтобы тем самым, как им кажется, бросить вызов обществу.

Легко могу вообразить, как рука убийцы касается ее груди, сосок которой украшен кольцом с драгоценным камнем. Мужчина зажимает кольцо между пальцами и дергает, притягивая партнершу к себе. Она возбужденно кричит: все части ее тела сейчас сверхчувствительны, в особенности соски. Впрочем, девушка не возражает: если кто-то в такой момент груб с ней, это значит, что она ему по-настоящему нравится. Блондинка садится на любовника верхом, из-

голове кровати сильно бьется о стену, а она бросает взгляд на входную дверь, чтобы еще раз убедиться: та заперта на ключ и цепочку. В столь сомнительном месте надо хоть в этом быть уверенной.

На стене, как и во всякой гостинице, висит схема эвакуации в случае пожара, но на этом сходство данного заведения с отелями вроде «Рица» или «Хилтона» и заканчивается. «Истсайд инн» — прибежище для бездомных, небогатых туристов, людей с нездоровой психикой; короче говоря, для бедолаг, сумевших наскрести двадцать баксов на одну ночь. А потом от вас потребуют удостоверение личности (хотя бы один документ на двоих, но непременно с фотографией) — и можете оставаться в гостинице хоть на сутки, хоть на месяц, хоть до конца своей жизни.

Парень из номера 89 явно прожил здесь какое-то время: на комод — блок из шести банок пива, четыре полупустые бутылки спиртных напитков покрепче и пара упаковок с сухими завтраками. На прикроватной тумбочке — стереосистема и несколько компакт-дисков. Я просматриваю их: что касается музыки, вкус у убийцы неплохой. Стенной шкаф, однако, пуст. Такое впечатление, что вся одежда преступника была на нем, когда он покинул гостиницу, оставив труп своей жертвы в наполненной кислотой ванне. На дне стенного шкафа куча мусора: старые газеты, пустая банка из-под средства против тараканов, настенный календарь с пятнами кофе. Я беру календарь в руки: на каждой странице черно-белое фото какой-нибудь античной достопримечательности: Колизей, греческий храм, Библиотека Цельса в Эфесе. Похоже, наш убийца — ценитель искусства. К сожалению, на страницах нет совершенно никакой дополнительной информации, скажем записей о назначенных встречах. Собразив, что календарь использовали лишь как подставку для кофе, я отбрасываю его в сторону.

Затем оборачиваюсь и автоматически, просто по привычке, провожу рукой по тумбочке, стоящей около постели. Странно: пыли совсем нет. Касаюсь пальцами комода, изголовья кровати, стереосистемы и получаю идентичный результат: убийца стер пыль со всех предметов, чтобы уничтожить отпечатки пальцев. Впрочем, это обычное дело, но тут я вдруг ощущаю какой-то запах. Подношу пальцы к носу, и картина резко меняется. Я улавливаю легкий аромат специального антисептического спрея, которым пользуются для борьбы с инфекцией в палатах интенсивной терапии. Мало того что это средство убивает бактерии, в качестве побочного эффекта оно также уничтожает все, что содержит ДНК: пот, мельчайшие частицы кожи, воло-

сы. Опрыскав гостиничный номер этим спреем, пропитав им ковер и стены, убийца лишил полицейский департамент Нью-Йорка малейшего шанса установить как личность жертвы, так и его собственную.

И тут вдруг я ясно понимаю: независимо от того, каким мотивом руководствовался преступник (лишил ли он девушку жизни ради наживы, сексуального удовлетворения или еще по каким-либо мотивам), злоумышленник тщательно подготовился заранее, почерпнув информацию из специального пособия. Мы имеем дело, так сказать, с классическим «книжным» преступлением.

ГЛАВА 2

Возможно, далеко не все со мной согласятся, но лично я считаю, что основным законом криминалистики является так называемый принцип обмена Локара, который гласит: «Каждый правонарушитель обязательно оставляет на месте преступления хоть какие-то следы». И вот стою я сейчас в номере 89, наполненном множеством людей, и думаю: «Интересно, а сталкивался ли профессор Локар с чем-либо похожим? Абсолютно все, чего касался убийца, исчезло: в заполненной кислотой ванне или под воздействием антисептика. Наверняка преступник не оставил после себя ни волоска, ни малейшей частицы кожи».

Год назад я написал довольно невразумительную книгу по современной технике расследования преступлений. В главе под названием «Новые рубежи» я рассказал, что столкнулся с использованием специального антибактериального спрея лишь однажды (то было мастерски выполненное убийство разведчика в Чехии), и, между прочим, упомянул, что криминалистика в данном случае оказалась бессильна: это преступление не раскрыто до сих пор. Жилец номера 89 хорошо знал свое дело, и теперь я исследовал содержимое комнаты с уважением, которого, несомненно, заслуживал ее обитатель.

Однако аккуратностью он не отличался: среди прочего мусора я заметил валявшуюся рядом с кроватью пустую коробку из-под пиццы. Я бы не обратил на нее особого внимания, но внезапно сообразил: здесь лежал нож, до которого было легко дотянуться. Простодушная Элинор, как видно, его даже не заметила.

Я вижу, как, лежа в постели, она тянется поверх скомканных простыней к промежности партнера. Целует его в плечо, в грудь, спус-

кается ниже. Может быть, мужчина знает, а может, и нет: один из побочных эффектов ГТБ состоит в том, что он подавляет рвотный рефлекс. Принявший препарат без труда сумеет заглотив член дюймов семи-восьми, а то и десяти; вот почему ГТБ всегда можно купить в сауне для геев или на съемках порнофильмов.

Парень прижимает блондинку к себе, шлепает по спине, обхватывает коленями ее грудь. Девушке кажется, что партнер устраивается, чтобы половчее проникнуть ей в рот, но рука мужчины ненароком сползает с кровати, его пальцы дотягиваются до коробки от пиццы и нащупывают то, что он ищет: холодную сталь ножа, дешевого, но достаточно острого, чтобы выполнить свое предназначение.

Если бы кто-то наблюдал за жертвой сзади, он увидел бы изгиб ее спины, услышал бы некое подобие стога, сорвавшегося с губ, и, несомненно, решил бы, что партнер занялся с ней оральным сексом. Но нет, ничего подобного. Блестящие от наркотиков глаза блондинки сейчас наполнены ужасом. Парень плотно зажал ей рот левой рукой, запрокинув голову бедняжки назад, так чтобы открылось горло. Она отчаянно брыкается и извивается, пускает в ход руки, но он это предвидел. Оседлав ее груди, убийца прижимает свою жертву коленями, давит на нее бицепсами. Откуда мне это известно? Достаточно увидеть два синяка на теле убитой. Она совершенно беспомощна. Элинор видит его поднятую руку с ножом и пытается кричать, содрогаясь в конвульсиях, стремясь высвободиться. Зазубренная сталь проносится рядом с ее грудью, устремляясь к бледному горлу, оставляя на нем глубокий разрез...

Кровь орошает прикроватный столик. Одна из артерий, питающих мозг, полностью перерезана, смерть наступает быстро. Элинор падает, издавая булькающие звуки, истекая кровью. Еще не до конца угасшее сознание подсказывает девушке: это конец. Все, чем она была и чем надеялась стать, ушло безвозвратно. Похоже, убийца все-таки справился с жертвой, не входя в нее.

Я четко вижу, что происходит дальше. Преступник отправляется готовить кислотную ванну, на ходу стягивая перепачканную кровью белую рубашку, которая, по-видимому, была на нем. Ее нашли в ванне, разорванной на куски, под трупом Элинор. Там же был и нож: четырехдюймовое лезвие, черная пластиковая ручка — такие в огромных количествах изготавливают трудолюбивые китайцы.

От ярких картин, созданных воображением, слегка кружится голова, поэтому я не сразу замечаю, что кто-то держит меня за плечо. Сбрасываю чужую руку, готовый в случае чего тут же сломать ее:

привычка на уровне инстинкта, оставшаяся от прошлой жизни. Какой-то парень бормочет извинения, глядя на меня довольно странно и пытаюсь отодвинуть в сторону. Я вспоминаю, что этот человек — главный в бригаде криминалистов, состоящей из трех мужчин и одной женщины; они сейчас устанавливают ультрафиолетовые лампы и миски со специальной краской, которую используют, чтобы проверить, нет ли на матрасе пятен спермы. Криминалистам еще ничего не известно про антисептик, а я им и не говорю: вдруг убийца забыл обрызгать часть кровати. Если это так, то, учитывая особенности гостиницы «Истсайд инн», они получают несколько тысяч положительных проб, начиная еще с тех времен, когда проститутки носили чулки.

Я пытаюсь привести свои мысли в порядок, стараясь не мешать окружающим. Меня терзает смутное беспокойство: есть что-то необычное как в этом гостиничном номере, так и во всей ситуации в целом. Интуитивно чувствую, что в моем сценарии концы с концами не сходятся. Я оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти разгадку, но ничего путного в голову не приходит. Вспоминаю ощущение, возникшее несколько раньше. Мысленно перематывая ленту, возвращаюсь назад, в тот миг, когда нынче ночью впервые вошел в эту комнату.

Что же это было? Роюсь в своем подсознании, пытаюсь восстановить первое впечатление. Нечто чрезвычайно важное и никак не связанное с насилием. Если бы только удалось вновь ощутить его... это чувство... чувство, похожее на... Нужное слово никак не хочет появляться из глубин памяти. Я вспоминаю фразу из своей собственной книги: «Любая не вызывающая сомнений догадка может сбить с толку». И тут меня осеняет.

Войдя в гостиничный номер, я увидел на комодe блок из шести банок пива, пакет с молоком в холодильнике, заметил полиэтиленовый мешок, аккуратно вложенный в мусорную корзину, зафиксировал в памяти названия нескольких фильмов на DVD-дисках, лежащих возле телевизора. «Женщина» — вот каким было то мимолетное впечатление, первое слово, которое пришло на ум, но не задержалось в сознании. Я правильно понял, как разворачивались события в номере 89, принципиально ошибившись лишь в одном. Отнюдь не мужчина снимал этот номер, занимался сексом с обнаженной Элинор, а потом перерезал ей горло, наполнил ванну кислотой и обработал все вокруг антисептическим спреем.

Это была женщина.

ГЛАВА 3

За годы своей карьеры я встречал многих могущественных людей, но среди них был лишь один, обладавший подлинной, естественной властью: он мог заставить окружающих молчать, не повышая голоса, отдав приказание почти шепотом. Сейчас этот человек идет мне навстречу по коридору, сообщая на ходу бригаде криминалистов, что им придется подождать: пожарное ведомство должно удалить кислоту, пока никто не получил ожогов.

— Не снимайте резиновые перчатки, — советует он. — Можете пока обследовать друг у друга представительную железу.

Все, за исключением криминалистов, смеются.

Человека с решительным голосом зовут Бен Брэдли, он лейтенант полиции, служит в отделе по расследованию убийств. Бен только что пытался разыскать управляющего отелем и выяснить у него имя подонка, которому принадлежит притон. Ему слегка за пятьдесят, он чернокожий, высокий и сильный, с большими руками (я имею в виду Брэдли, а не этого подонка). Лейтенант одет в джинсы, которые супруга недавно уговорила его купить в безнадежной попытке хоть как-то обновить имидж мужа. Сам же Бен считает, что выглядит в этих джинсах как персонаж из романа Стейнбека, эталонный современный беженец из района пыльных бурь.

Как и многие его сослуживцы, Бен не питает особой симпатии к криминалистам. Во-первых, несколько лет назад вошло в моду нанимать их на стороне: на место преступления стали приезжать высокооплачиваемые специалисты в белых комбинезонах с надписями вроде «Криминологические услуги инкорпорейтед» на спине. Во-вторых (это и вовсе переполнило чашу терпения Брэдли), по телевизору показали одно за другим два имевших колоссальный успех шоу, посвященные работе криминалистов, что вызвало у последних вспышку звездной болезни.

— Господи милостивый, — жаловался мне на днях лейтенант, — да остались ли в этой стране люди, которые не мечтают поучаствовать в реалити-шоу?

Брэдли наблюдает, как потенциальные знаменитости распаковывают свои чемоданчики с портативными лабораториями. Я стою, прислонившись к стене, и молча наблюдаю за происходящим (собственно, именно этим я и занимался добрую половину жизни). Бен принципиально игнорирует людей, добивающихся его внимания, но при этом успешно делает карьеру. Мы не здороваемся с ним за

руку: у нас как-то не сложилась такая форма приветствия. Не уверен даже, что мы с ним вообще друзья. Впрочем, я всегда держусь несколько в стороне от любой компании, поэтому мне трудно об этом судить. Но если хотите, мы уважаем друг друга.

— Спасибо, что приехали, — говорит Брэдли.

Я киваю, глядя на его подвернутые джинсы и черные рабочие башмаки, идеально подходящие, чтобы пробираться сквозь кровь и дерьмо на месте преступления.

— Вы на чем добирались... на тракторе? — спрашиваю я.

Бен не смеется, что характерно для него, — редко встретишь столь бесстрастного человека. Но это совсем не значит, что он лишен чувства юмора.

— Ну что, Рамон, было время осмотреться? — тихо говорит Бен.

Меня зовут вовсе не Рамон, и он это знает. Но Брэдли также известно, что до недавнего времени я работал в одном из наиболее засекреченных подразделений разведывательных служб США. Поэтому я догадываюсь, что он имеет в виду Рамона Гарсию, агента ФБР, который прибег к невероятным ухищрениям, чтобы скрыть свою личность, когда продавал государственные секреты русским. При этом Гарсия оставил отпечатки пальцев на всех мешках для мусора, в которых выносил украденные документы. Рамон, несомненно, был самым некомпетентным тайным агентом в истории. Как я уже сказал, Бен иногда любит пошутить.

— Да, осмотрелся немного, — отвечаю я. — Что удалось выяснить о женщине, жившей в этой трущобе? Она ведь главная подозреваемая?

Бен прекрасно владеет собой, но сейчас в его глазах невольно отражается изумление: «Какая еще женщина?!»

«Превосходно, — думаю я. — Рамон наносит ответный удар».

И все-таки Брэдли — невозмутимый коп.

— Это интересно, Рамон, — говорит он, пытаясь догадаться, действительно ли я напал на след или только его разыгрываю. — Почему вы так решили?

Я указываю на блок из шести банок пива и на пакет молока в холодильнике:

— Разве мужчины так поступают? Они держат пиво в холодильнике, скорее уж молоку позволят испортиться. А взгляните на дивиди — сплошь романтические комедии, ни одного боевика. Пройдите по комнатам и посмотрите, многие ли парни в этой трущобе предусмотрительно вкладывают полиэтиленовый пакет в мусорную

корзину. Здесь это не принято — так делают только женщины, за кого бы они себя ни выдавали.

Бен мысленно взвешивает сказанное, не сводя с меня глаз, но согласен он или нет, понять невозможно. Прежде чем я успеваю спросить его об этом, из-за пожарных бочек с маркировкой «Химическая опасность» появляются два детектива — молодая женщина и ее столь же юный напарник — и останавливаются перед Брэдли.

— У нас есть кое-какая информация, Бен, — говорит женщина-полицейский. — Насчет обитательницы этого номера.

Брэдли спокойно кивает:

— Да, я в курсе, что это женщина. Расскажите мне о ней что-нибудь новенькое. Что вы узнали?

Я понимаю, что лейтенант берет их на пушку. Полицейские, открыв рот, изумленно взирают на него, пытаюсь понять, откуда, черт возьми, Бену известно, что в комнате жила женщина. К утру миф об их боссе обрстет новыми деталями. Я наблюдаю эту сцену со стороны, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Ну и фрукт этот Брэдли!

Внезапно лейтенант смотрит на меня, и в первое мгновение мне кажется, что он вот-вот расхохочется. Ага, как бы не так, держи карман шире. Бен лишь чуть заметно подмигивает мне заспаным глазом и вновь обращает взор на двух молодых копов:

— А сами-то вы откуда знаете, что это женщина?

— Мы просмотрели записи в регистрационном журнале отеля, — отвечает детектив-мужчина по имени Коннор Норрис.

Брэдли внезапно проявляет беспокойство:

— Неужели нашли управляющего и заставили этого подонка открыть офис?

Норрис качает головой:

— Мы уже четыре раза выписывали ордер на его арест по делу о наркотиках, но, похоже, сейчас этот тип где-то на полпути в Мексику. Нет, просто Альварес, — он кивает в сторону напарницы, — выяснила, что выше этажом живет один парень, которого разыскивают за кражу со взломом.

Он неуверенно глядит на свою партнершу, не зная, стоит ли продолжать. Альварес пожимает плечами и в надежде, что все сойдет ей с рук, делает чистосердечное признание:

— Я пообещала взломщику, что его не станут сажать в тюрьму, если он окажет содействие полиции: вскрыет замки в офисе управляющего так, чтобы все было шито-крыто.

Она смотрит на Брэдли, явно нервничая, как бы босс не наказал ее за самодеятельность.

Но лицо Бена остается невозмутимым, а голос звучит даже несколько мягче:

— И что дальше?

— Там было восемь замков, но он справился с ними меньше чем за минуту. Стоит ли удивляться, что в этом городе никогда нельзя быть уверенным в собственной безопасности?

Бен пропускает это заявление мимо ушей:

— Так что насчет обитательницы номера восемьдесят девять?

— Мы нашли квитанции. Она жила здесь больше года, — говорит Норрис. — Платила наличными, телефон у нее был отключен. И телевидения тоже никакого — ни обычного, ни кабельного. Явно не хотела привлекать к себе внимание.

Брэдли кивает и задает следующий вопрос:

— Когда соседи видели ее в последний раз?

— Дня три или четыре назад. Никто точно не помнит.

— Выходит, исчезла сразу же после убийства своей подружки, — бормочет лейтенант. — Обнаружили какие-нибудь документы?

Альварес роется в записях.

— Вот, есть две ксерокопии: водительское удостоверение, выданное во Флориде, и еще какой-то документ — похоже на студенческий билет без фотокарточки. Готова поклясться, что документы подлинные.

— Все же проверьте, — говорит Брэдли.

— Предлагаю поручить это Петерсену. — Норрис называет фамилию еще одного молодого детектива. — Он у нас дока в таких делах.

Брэдли согласно кивает и интересуется:

— А этот ваш взломщик или еще кто-нибудь был знаком с подозреваемой? Хоть что-то о ней известно?

Детективы дружно качают головой.

— Никто ее не знает. Соседи видели только, как она приходит и уходит, — отвечает Норрис. — На вид лет двадцать, высокая, если верить взломщику...

Брэдли возводит глаза к небу:

— Ну и какие еще приметы он вам назвал: две руки, две ноги, а сверху голова?

Норрис улыбается, но Альварес не до смеха. Девушка боится, что Брэдли накажет ее за то, что она заключила сделку с преступником.

Если шеф собирается устроить головойку, пусть уж не тянет kota за хвост, а сделает это поскорее. Однако Альварес — профессионал, она никак не может остаться в стороне и говорит:

— Со слов так называемой актрисы из номера сто четырнадцать, эта девчонка все время меняла внешность. Сегодня она вылитая Мэрилин Монро, а завтра уже — Мэрилин Мэнсон, иногда по несколько раз на дню внешность меняла. Под кого она только не косила: Дрю Бэрримор, Бритни Спирс, Дейм Эдна, Джессика Лэнг...

— Вы это серьезно? — спрашивает Брэдли.

Юные копы дружно кивают и словно бы в подтверждение называют еще несколько имен.

— Представляю, какой шикарный у нас получится фоторобот, — вздыхает лейтенант, прекрасно понимая, что на этот раз все привычные пути расследования убийства для него закрыты. — Что-нибудь еще нарыли?

Они синхронно трясут головой и всем своим видом показывают: мол, мы и так сделали все, что могли.

— Похоже, придется собирать свидетельские показания по крупицам, так что, пожалуй, нам и взломщик сгодится...

Брэдли отпускает своих помощников и поворачивается ко мне: как видно, что-то страшно его беспокоит и он хочет это со мной обсудить.

— Приходилось вам когда-либо видеть что-нибудь подобное? — спрашивает лейтенант, натягивая пластиковые перчатки и снимая с полки в стенном шкафу металлическую коробку.

Она цвета хаки и настолько плоская, что я ее даже не заметил. Уже собираясь открыть коробку, Бен бросает мимолетный взгляд на Альварес и Норриса. Они идут к выходу, мимо пожарных, упаковывающих свои насосы с маркировкой «Химическая опасность».

— Эй, ребята! — кричит Брэдли. Они оборачиваются. — А ловко вы придумали насчет взломщика! Отличная работа, молодцы!

На лице Альварес отражается облегчение. Они, улыбаясь, поднимают руки в знак молчаливой признательности. Неудивительно, что подчиненные Брэдли боготворят его.

Теперь я более внимательно разглядываю металлическую коробку, похожую на маленький чемоданчик. Сбоку белой краской нанесен по трафарету серийный номер. Очевидно, это предмет из военного обихода, но я что-то не припоминаю, чтобы видел нечто подобное раньше.

— Набор полевого хирурга? — спрашиваю я без особой уверенности.

— Почти. Армейского стоматолога.

Лейтенант открывает коробку, демонстрируя уютно угнездившийся в пенопласте полный комплект зубоврачебных инструментов: щипцы для удаления, зонды, пинцеты для экстракции.

Я удивленно смотрю на Бена и спрашиваю:

— Она что, удалила жертве зубы?

— Причем абсолютно все. Мы не нашли ни одного: думаю, убийца выбросила их. Возможно, смыла в унитаз. Сейчас как раз вызвали сантехника, может быть, нам повезет.

— Зубы были удалены у живого человека или у трупа?

Бен понимает, к чему я клоню.

— Нет, жертву не пытали. Коронер и его помощники уверены: это сделали уже после смерти, чтобы личность убитой нельзя было идентифицировать. Именно поэтому я и попросил вас зайти: вспомнил, что в вашей книге есть информация о случаях удаления зубов в домашних условиях после убийства. Скажите, бывало ли такое в США? Я надеялся, что, возможно...

— Нет, я сталкивался с этим один-единственный раз. Это было в Швеции. Один парень использовал хирургический молоток, чтобы удалить зубные мосты и челюсть жертвы. Но пинцеты... Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Что ж, теперь у нас имеется прецедент, — замечает Бен.

— Это вдохновляет. Поступательное движение цивилизации.

Несмотря на ужас, охвативший меня из-за вопиющей жестокости содеянного, должен признать, что убийца вызывает даже своего рода уважение: нелегкое дело — удалить тридцать два зуба у трупа. Похоже, преступница наша задалась целью совершить идеальное убийство и основательно подготовилась. Небось считает, что за решетку попадают лишь те, кто не продумал все как следует.

Я указываю на металлическую коробку:

— А где простой человек может раздобыть такой набор?

Бен пожимает плечами:

— Да где угодно. Я позвонил другу в Пентагон, он порылся в архивах и выяснил: в армии был излишек в сорок тысяч таких наборов, многие из них в последние несколько лет поступили в продажу — знаете, есть такие магазины товаров, необходимых для выживания в экстремальных условиях. Мы, конечно, постараемся отследить покупателей, но, сами понимаете, на это надежда слабая. Да и вообще...

Голос Бена смолкает, теряется в лабиринте, по которому блуждает его взгляд: он шарит по комнате в надежде отыскать хоть какую-нибудь зацепку.

— Мы имеем жертву без лица и без зубов, — говорит он тихо. — У нас нет никаких свидетелей, и, что самое худшее, мы даже приблизительно не представляем себе, каковы мотивы преступления. Вы у нас крупнейший специалист по разгадыванию шарад. Скажите честно, каковы, по-вашему, шансы на успех при столь невыгодных исходных условиях?

— Шансы? Приблизительно такие же, как в лотерее. Знаете, когда я только вошел в комнату, первая мысль была: тут явно орудовал любитель, очередной наркоман или сексуальный извращенец. Однако, приглядевшись внимательнее, понял: лишь пару раз в жизни я встречал столь мастерски выполненное убийство.

Тут мне приходится рассказать Брэдли об антисептическом спрее.

— Спасибо, вы меня очень ободрили, — иронически хмыкает Бен, машинально потирая указательный палец о большой.

По опыту знаю: это верная примета, что ему хочется сунуть в рот сигарету. Лейтенант рассказывал мне, что бросил курить еще в девятностые годы, но с тех пор ему миллион раз приходило в голову, что сигаретка не помешала бы. И сейчас как раз такой случай.

— Знаете, в чем моя проблема? — спрашивает Бен. — Как однажды сказала Марси, — (Марси — это его жена), — я принимаю слишком близко к сердцу чужие несчастья. Начинаю воображать себя единственным другом каждой очередной жертвы преступления.

— Становитесь их защитником?

— Вот-вот, именно это слово она употребила. Я, сами знаете, далеко не подарок, но Марси говорит, что есть у меня одно качество, которое ей по-настоящему нравится: я никогда не бросаю друга в беде.

Защитник мертвых, думаю я. Бывают вещи и похуже. Хотелось бы чем-нибудь помочь Брэдли, но я лицо неофициальное и это преступление не расследую. Я вышел в отставку, хотя мне нет еще и сорока.

В комнату быстро входит техник-криминалист и кричит:

— Бен!

Брэдли оборачивается:

— Ну?

— В подвале, — говорит вошедший с азиатским акцентом.